

Научная статья

УДК 331.1

DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.53>**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОТЕНЦИАЛА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
РЫНКА ТРУДА В НАЧАЛЕ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА**

С.С. Алхасов

Алхасов Станислав Сергеевич,

кандидат технических наук, старший научный
сотрудник отдела воспроизводства трудовых ресурсов
и занятости населения, Институт демографических
исследований, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
РИНЦ SPIN-код: 9071-7211 / ORCID iD: 0000-0002-8051-6423
stanislav.alkhasov@gmail.com

Аннотация. В данной статье дается краткая характеристика российского рынка труда и некоторых особенностей экономики России в целом. Показано, что до сих пор большое распространение имеет низкоквалифицированный труд водителей, продавцов, охранников и прочих технологически устаревших профессий. Также указывается, что во многих малых населенных пунктах основой жизнеобеспечения домохозяйств являются глубоко архаичные практики промыслов. Значительного размера достигают межрегиональные диспропорции в отношении инновационного потенциала. Вместе с тем возрастают масштабы прекаризации, связанной с развитием высоких технологий и одновременным сужением прав работников (уберизация труда, сложность организации забастовок). Особенно уязвимым становится положение трудовых мигрантов. Роботизация труда грозит миллионам работников тотальной безработицей. Само по себе внедрение роботов в производственную деятельность сопряжено не только с устареванием множества прежних профессий, но и с появлением новых. Однако в отсутствие эффективного законодательного регулирования и мер социальной поддержки могут формироваться неоптимальные равновесия на рынке труда. В связи с этим и рядом иных вызовов требуется своевременная выработка сбалансированной политики в сфере внедрения инноваций в рамках перехода к шестому технологическому укладу. Внедряться в экономику должны не просто новые технологии (искусственный интеллект, нанотехнологии и т. д.), но и передовые социально-экономические практики (программы переподготовки кадров, базовый доход), позволяющие снизить рост социального неравенства и напряженности в обществе и в конечном счете выйти на траекторию устойчивого развития.

Ключевые слова: рынок труда, технологический уклад, управление инновациями, занятость, прекаризация, безработица.

Библиографическая ссылка: Алхасов С.С. Некоторые аспекты потенциала развития российского рынка труда в начале шестого технологического уклада // ЦИТИСЭ. 2022. № 4. С.590-600. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.53>

Research Full Article

UDC 331.1

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT POTENTIAL OF THE RUSSIAN LABOR MARKET AT THE BEGINNING OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL PARADIGM

S.S. Alkhasov

Stanislav S. Alkhasov,

Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher,
Department of Reproduction of Labor Resources and
Employment of Population, Institute of Demographic
Research of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
stanislav.alkhasov@gmail.com

Abstract. *This paper gives a brief description of the Russian labor market and some features of the economy of Russia as a whole. We show that so far the low-skilled work of drivers, shop assistants, guards and other technologically outdated professions is very wide-spread. We also show that in many small settlements the basis of the life support of households is deeply archaic practices of crafts. Interregional imbalances reach significant size in relation to innovative potential. At the same time, the scale of precarization associated with the development of high technologies and the simultaneous narrowing of the rights of employees (uberization, the complexity to organize legal strikes) increases. The position of labor migrants becomes especially vulnerable. Labor robotization threatens millions of employees with total unemployment. The introduction of robots into production activities itself is associated not only with the obsolescence of many previous professions, but also with the advent of new ones. However, in the absence of effective legislative regulation and social support measures, non-optimal equilibria in the labor market can be formed. So one requires timely development of a balanced policy in the field of introducing innovations as part of the transition to the sixth technological paradigm. Not only new technologies (artificial intelligence, nanotechnology, etc.), but also advanced socio-economic practices (personnel retraining programs, basic income) should be introduced into economy, which can reduce the growth of social inequality and tension in the society and ultimately to reach the trajectory of sustainable development.*

Keywords: *labor market, technological paradigm, innovation management, employment, precarization, unemployment.*

For citation: *Alkhasov S.S. Some aspects of the development potential of the Russian labor market at the beginning of the sixth technological paradigm. CITISE, 2022, no. 4, pp. 590-600. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.53>*

Введение. Предваряя анализ потенциала инновационного развития российского рынка труда и формулирование необходимых мер для модернизации российской экономики, дадим краткий обзор текущего состояния рынка труда. В России численность трудоспособного населения к началу 2022 г. составляла 83,2 млн человек. Показатель демографической

нагрузки – 749 человек на 1000 человек трудоспособного возраста.¹ Доля трудовых мигрантов на российском рынке труда составляла до 10 % по данным аудиторско-консалтинговой группы FinExpertiza (2020 г.).² Значительная часть трудовых мигрантов занята низкоквалифицированным трудом, имеет крайне низкий уровень социальной защищенности, сталкивается с различными проявлениями мигрантофобии и шовинизма, обвиняется в безработице «коренного» населения.³ При этом Росстат фиксирует низкий уровень безработицы [1]. Например, в августе 2022 г. безработица в России по данным Росстата снизилась до исторического минимума.⁴ Однако в реальности ситуация несколько более сложная: реальная безработица выше официальной. Так FinExpertiza в 2020 г. исследовала явление скрытой безработицы и установила, что реальная безработица в два раза больше по сравнению с публикуемыми данными Росстата.⁵ Причина скрытой безработицы не в присутствии мигрантов на российском рынке труда или каких-либо подобных моментах, а, прежде всего, в несовершенстве российской экономики, где вместо малого и среднего бизнеса доминирует неэффективный государственный капитализм. Как известно, право на забастовку является одним из важнейших социальных прав человека [2]. В России законодательство допускает забастовки, но правовая рамка настолько запутана, что подавляющее большинство коллективных трудовых споров не фиксируется Росстатом в качестве забастовок. Другой важный пример – производственный травматизм.⁶ Г.И. Тихонова и др. полагают, что «значительная часть несчастных случаев на производстве скрывается от регистрации и учета» [3]. Таким образом, официальная статистика в нынешних реалиях не справляется в полной мере с адекватным отражением социально-экономических реалий.

Давая определение технологическому укладу, можно сказать, что это определенный тип производственных отношений, характерных для соответствующего этапа развития общества. В основе теории технологических укладов лежит явление длинных волн Н.Д. Кондратьева, получившее развитие в работах Й. Шумпетера. Кондратьевские волны циклически сменяют друг друга и имеют период примерно 50...60 лет. Их возникновение связано с научно-техническим прогрессом и структурной перестройкой экономики. По Й. Шумпетеру число технологических укладов не ограничено. Для каждого из укладов характерна в целом однотипная последовательность этапов развития: от накопления знаний и материальных ресурсов, формирования спроса до насыщения рынка и возникновения новых потребностей [4]. Параллельно технологической типологии развития существуют и несколько иные описания изменений в человеческом обществе. Так, например, Э. Тоффлер сформулировал концепцию т. н. третьей волны [5], в основе которой лежит принцип устойчивого развития, предполагающий сбалансированный рост с гуманизацией всех сторон жизни человека в противовес доминировавшему в аграрной и индустриальной цивилизациях стремлению к ничем не ограниченному экономическому росту [6].

Обсуждение результатов исследования. Для современной России до сих пор характерна многоукладная экономика с доминированием четвертого технологического

1 Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (Статистический бюллетень) // Росстат. – 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf.

2 FinExpertiza составила рейтинг регионов РФ с самой высокой концентрацией трудовых мигрантов // FinExpertiza. – 10.04.2020. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/trud-migrant/>.

3 Симанкова Е. Москвабад нам не грозит: что на самом деле происходит с мигрантами в России // Милосердие.ru. – 18.12.2018. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/moskvabad-nam-ne-grozit-cto-na-samom-dele-proishodit-s-migrantami-v-rossii/>.

4 Росстат зафиксировал исторический минимум безработицы в августе // Интерфакс. – 28.09.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/865381>.

5 Аналитики оценили реальную безработицу в два раза выше официальной // FinExpertiza. – 02.10.2020. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/real-bezrobotitsa/>.

6 Обзор для специалиста по охране труда за период с 01.11.2020г. по 30.11.2020г. // Группа компаний «Правовая защита». – 2020. URL: <https://otrude.ru/baza-znaniy/novosti/obzor-dlya-speczialista-po-oxrane-truda-za-period-s-01.11.2020g.-po-30.11.2020g.html>.

уклада, для которого в качестве основных ресурсов характерны энергия углеводородов и ядерная энергия. Четвертый уклад – это уклад массового, унифицированного производства. Вклад России в пятый технологический уклад минимален. Пятый уклад нередко называют укладом «бесбумажных» технологий. Производство при пятом укладе становится более кастомизированным. В России практически утрачен заложенный в СССР потенциал развития микроэлектроники, значимо не развивается альтернативная, «зеленая» энергетика. Тогда как в передовых странах мира уже заложены контуры шестого технологического уклада (уклада «безлюдных» технологий), в основе которого будут лежать нано-, био- и аддитивные технологии, робототехника и искусственный интеллект, энерго- и ресурсосберегающие технологии [7]. Современная Россия уже не может конкурировать на инновационных рынках, таких как рынок компьютерной и медицинской техники или рынок космических перевозок, однако сохраняется еще значительный интеллектуальный потенциал, развитие и приумножение которого есть необходимое условие для модернизации экономики, перехода к новому технологическому укладу и достижения целей устойчивого развития.

Образовательный аспект

Очевидно, что образование играет фундаментальную роль в формировании новых профессиональных кадров. Несмотря на масштабные политико-экономические перемены 1990-ых гг. в России образование в значительной мере осталось прежним со всеми своими достоинствами и недостатками. Сегодня видно, что российские учебные заведения готовят как правило трудовые ресурсы для прошлого технологического уклада. Необходимость проведения целого комплекса образовательных реформ назрела. Без глубокого реформирования учебные заведения не смогут формировать человеческий капитал такого качества, который необходим в период шестого технологического уклада, который гибок и менее подвержен прекаризации.

Важно заимствовать позитивные стороны зарубежных образовательных систем. Так, например, финское школьное образование в начале XXI в. считается одним из лучших в мире. В средних школах Финляндии культивируются самостоятельность, креативность, умение добывать нужную информацию и мыслить независимо. Отсутствует деление на обычные и элитные школы: следовательно, в значительной мере преодолевается неравенство возможностей. Имеются в такой образовательной системе и недостатки. К примеру, можно отметить, что финская средняя школа ориентирована в первую очередь на отстающих детей в ущерб одаренным детям.⁷ Таким образом, любые заимствования передового опыта, попытки локализации лучших известных практик должны проводиться с учетом критического переосмысления.

Одним из наиболее авторитетных индикаторов функциональной грамотности учащихся является тест PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), организуемый ОЭСР. Грамотность оценивается по трем компонентам: читательской, математической и естественнонаучной. В 2018 г. Россия заняла 31-е, 30-е и 33-е места в соответствующих рейтингах грамотности. Для сравнения КНР, Сингапур и специальный административный район Макао (КНР) в каждом из рейтингов заняли первые три места. Эстония – 5-е, 8-е и 4-е места соответственно. Финляндия – 7-е, 16-е и 6-е места соответственно. США – 13-е, 37-е и 18-е места соответственно.⁸

Таким образом, новое российское образование, чтобы готовить конкурентоспособных в рамках инновационной экономики специалистов, должно трансформироваться так, чтобы

7 Образование в Финляндии // Все о Финляндии. URL: <https://myfinlandia.ru/strana/obrazovanie-v-finlyandii.html>.

8 Schleicher A. PISA 2018: Insights and Interpretations // OECD. – 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20211223034027/https://www.oecd.org/pisa/PISA%202018%20Insights%20and%20Interpretations%20FINAL%20PDF.pdf>.

воспитывать в учащихся критическое мышление, самостоятельность, умение работать с информацией, выделять главное и работать с задачами, не имеющими очевидного решения. Ролевая модель «учитель – носитель знаний» должна уступить место модели «диалог на равных», где преподаватель выступает скорее в роли ментора, наставника, старшего товарища.⁹ В учебном процессе большее место должны получать деловые игры и командная работа (в т. ч. в формате хакатонов). Обязательно внедрение представления об «образовании через всю жизнь», о том, что каждый человек на протяжении всей экономически активной жизни постоянно должен повышать свою квалификацию, чтобы сохранять конкурентоспособность на рынке труда. Еще одно исключительно важное качество, которое нужно развивать со школьной скамьи – толерантность. Может показаться, что терпимость как свойство личности вовсе не обязательна для работника в инновационной экономике. Однако же практический опыт, например, Кремниевой долины [8] свидетельствует об обратном. Инновации процветают лишь в том обществе, которому свойственно терпимое отношение ко всяческим формам инаковости. А.В. Дороничев так описывает главную черту инновационного потенциала Кремниевой долины: «Терпимость к миграции – это заслуга Долины. Сюда приезжает большое число людей со всего мира с разными идеями. Серьезные инновации появляются только в либеральном обществе по той причине, что оно спокойно воспринимает в том числе и сумасшедшие идеи. Любая идея, которая сейчас является общепринятой, в какой-то момент казалась безумной».¹⁰ Т.В. Корнилова в свою очередь отмечает, что «установке на непринятие нового <...> сопутствует низкая креативность» [9].

Аспект экономической эффективности

Построенная в СССР экономика в своей основе была экономикой четвертого технологического уклада. Значительный вклад в народное хозяйство вносили топливно-энергетический комплекс и обрабатывающая промышленность. Наступление в мире пятого технологического уклада пришлось на время заката советского государства. В СССР велись НИОКР в области конструирования интегральных микросхем и ЭВМ, разрабатывались компьютерные модели управления экономикой. Однако в конечном счете пятый технологический уклад (уклад «безбумажных» технологий) оказался в целом пропущен постсоветской Россией, что можно считать одним из главных просчетов экономических преобразований начала 1990-ых гг. Накопленный научно-технический потенциал во многом был утрачен. Огромных масштабов достигла «утечка мозгов». Была подорвана преемственность поколений в науке и на производстве. Восприятие нарождающейся рыночной экономикой инноваций (в отсутствие значимой государственной поддержки) было довольно ограниченным. Теперь же, находясь на пороге нового технологического уклада (уклада «безлюдных» технологий), Россия должна решать трудную задачу перехода с четвертого технологического уклада на шестой, минуя пятый. Преодоление накапливаемого технологического отставания с каждым годом становится все более и более затруднительным. Очевидно, что стагнация грозит тем, что Россия в системе международного разделения труда уже окончательно займет место страны третьего мира.

Следует дополнительно отметить, что для России не просто характерен четвертый технологический уклад, но и сохраняются элементы более ранних укладов. В 2010 г. Е.Н. Каблов давал следующие приблизительные оценки долей разных укладов в российской экономике: пятый – 10 %, четвертый – 50 %, третий – 33 %, первый и второй – 5 %. Для

9 Лапочкина А. Формирование навыков будущего: Что нужно уметь в новом сложном мире // HR-Portal. – 04.03.2020. URL: <https://hr-portal.ru/blog/formirovanie-navykov-budushchego-cto-nuzhno-umet-v-novom-slozhnom-mire>.

10 Дороничев А. Инновации появляются только в либеральном обществе // РБК Тренды. – 24.04.2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d67937a9a7947b45e8762d9>.

сравнения в США: шестой – 5 %, пятый – 60 %, четвертый – 20 %, третий – 15 %.¹¹ Производительность труда в России отстает от показателей США в 3...5 раз. Существуют представления, что низкая по меркам развитых стран медианная зарплата российских работников адекватна уровню их производительности труда.¹² Такой подход видится ошибочным, поскольку уровень производительности труда в первую очередь определяется не работником, а работодателем. Работодатель должен иметь стимул вкладываться в модернизацию производства и развитие человеческого капитала, что возможно лишь в условиях совершенной конкуренции. В современной России же очевидна тенденция построения государственного капитализма, в котором роль конкуренции заметно ниже. Вклад малого и среднего бизнеса в экономику составил в 2018 г. около 20 %, тогда как для передовых стран мира характерными являются значения в диапазоне 50...60 %. За десять лет с 2005 г. число госкомпаний утроилось, а их вклад в ВВП России вырос в два раза с 35 % до 70 % [10; 11].

В России высококвалифицированным трудом заняты лишь 17 % работников, 35 % – заняты низкоквалифицированным трудом. Среди профессий наиболее востребованными являются водители (7,1 %), продавцы (6,8 %) и охранники (1,8 %) [12]. Уже сейчас работодатели склонны переводить своих работников (прежде всего, тех, кто занят низкоквалифицированным трудом) на гибкие формы занятости (срочные трудовые договоры, сезонная занятость и т.д.), чтобы повысить эффективность бизнеса. Таким образом формируется прекариат, определяемый многими исследователями как новый, неустойчивый и уязвимый социальный класс. «Оптимизация» занятости за счет использования современных информационных технологий получила название «уберизация» в честь онлайн-агрегатора такси Uber [13; 14]. В странах, находящихся в авангарде с одной стороны развития высоких технологий, а с другой стороны – защиты прав человека, власть и общество предпринимают ряд усилий, чтобы упорядочить и ограничить уберизацию занятости [15].

Очевидно, что в России в отношении уберизации наблюдается заметное отставание социального прогресса от прогресса технологического. Сервисы-агрегаторы и компании-посредники услуг такси и доставки товаров в течение нескольких лет полностью преобразили соответствующие бизнес-ниши. Положение водителей и курьеров стало гораздо более уязвимым, их доходы снизились, появились многочисленные штрафы со стороны агрегаторов, а переработки стали значительными (до 15...16 часов в сутки у таксистов).¹³ Таким образом, в отсутствие должных законодательных мер регулирования технической прогресс оказался сопряжен не с гуманизацией трудовых отношений, а напротив с усилением социального неравенства. Следующий логичный шаг – роботизация труда. По мере перехода к «безлюдным технологиям» прекарии и вовсе лишатся источника дохода. Технологическое развитие, сопряженное с исчезновением множества старых профессий даже в рамках социального государства, – неизбежность. Ключевая задача здесь заключается в законодательных мерах по балансировке этого процесса, в адаптации высвобождаемых работников к новым условиям: переквалификация и выплата безусловного базового дохода с целью снижения остроты усиливающегося социального неравенства. Базовый доход, как показывает Е.Ш. Гонтмахер в [16], как раз служит инструментом самореализации личности, который в будущем позволит снизить темпы прекаризации общества в условиях шестого технологического уклада.

Региональный аспект

11 Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. – 2010. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>.

12 Некрасов Д.А. Производительность труда, социальная мифология и богатство общества // Фонд «Либеральная миссия». – 10.11.2013. URL: <https://liberal.ru/семинары-проекта-я-думаю-/proizvoditelnost-truda-socialnaya-mifologiya-i-bogatstvo-obcshestva>.

13 Исаева Н. В подмосковных городах бастуют таксисты. Агрегаторы вынуждены идти им на уступки // Новая газета. – 12.10.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/10/12/shashechki-nagolo>.

Было изучено, какова доля высокотехнологичных профессий, в структуре спроса работодателей на замещение вакансий в разных регионах России. Были использованы данные рекрутингового портала hh.ru о вакансиях программистов по состоянию на октябрь 2022 г. Были рассчитаны процентные соотношения к общему числу вакансий в регионе. Лидирующее место в рейтинге заняла Москва, где 9,6 % от числа всех доступных вакансий соответствуют поисковому запросу «программист». Далее в этом списке располагаются Санкт-Петербург (7,5 %), Томская (5,6 %) и Новосибирская области (5,0 %), Марий Эл (4,8 %), Свердловская (4,2 %) и Нижегородская области (4,1 %), Татарстан (4,0 %). Формально высокие места также занимает несколько северокавказских республик, однако популярность в целом сервисов онлайн-рекрутинга там слишком низка, чтобы считать полученные оценки значимыми. Важно отметить, что спектр специализаций в программировании крайне широк, и ряд из них по всей видимости в будущем окажется автоматизирован (например, веб-разработка).¹⁴ По этой причине среди категории программистов были выделены специалисты в области одной из наиболее перспективных отраслей компьютерных технологий – глубинного обучения (Deep Learning) по ключевым словам, обозначающим наиболее популярные фреймворки для построения искусственных нейронных сетей: TensorFlow, Keras, PyTorch. Именно специалисты в этой сфере будут в авангарде шестого технологического уклада. Оказалось, что замечен спрос на специалистов по глубинному обучению лишь в нескольких регионах: Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Нижегородской, Свердловской и Новосибирской областях. Во всех остальных регионах в лучшем случае встречается одна или две вакансии. Таким образом, ИТ-бизнес за пределами нескольких мегаполисов не предъявляет спроса на профессии шестого технологического уклада.

Росстат публикует коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных в России гражданами России в расчете на 10 тыс. человек населения).¹⁵ В 2020 г. регионом-лидером с большим отрывом оказался Санкт-Петербург (8,59). Далее в списке находятся Москва (4,17) и Московская область (3,54), Томская (2,42), Калужская (2,06), Курская (1,89), Воронежская (1,87), Новосибирская (1,87) и Ульяновская области (1,76), Татарстан (1,67). Коэффициент изобретательской активности коррелирует с долей вакансий программистов в регионе на уровне 0,60.

Таким образом, очевидно, что место наиболее инновационных, передовых технологий в жизни населения за пределами нескольких крупнейших мегаполисов ничтожно. Другим полюсом в структуре занятости трудоспособного населения России является «провинциальная» промысловая деятельность. Равно как и занятость в сфере информационных технологий (фриланс [17; 18]) она может носить теневой характер, однако на этом сходства по большей части заканчиваются. В России явление промысловой, зачастую крайне архаичной деятельности получило название «гаражная экономика» и не может сводиться в полной мере к современным определениям малого бизнеса. В России гараж ассоциируется не с зарождением инноваций (классические примеры в США – гараж У. Хьюлетта и Д. Паккарда, гараж С. Джобса и С. Возняка),¹⁶ а с кустарными промыслами (автосервис, производство мебели и стройматериалов и т. п.) [19]. «В деревнях сложно найти постоянную работу. Если она и есть, то почти всегда низкооплачиваемая. <...> Есть целая

14 Зуйкова А. Программисты не нужны: когда наступит конец эры айтишников // РБК Тренды. – 25.07.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62d7a53a9a794745e484f93d>.

15 Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения) // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vWbp48PV/3-16.xls>.

16 От Уолта Диснея до Стива Джобса. Почему главные проекты XXI века зародились в обычных гаражах // Forbes Russia. – 11.05.2020. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/400029-ot-uolta-disneya-do-stiva-dzhobsa-pochemu-glavnye-proekty-hhi-veka-zarodilis-v>.

категория людей, которые “живут с леса”». ¹⁷ Ю.М. Плюснин на примере станций Краснодарского края показывает, насколько велика роль архаичных и современных промыслов, находящихся в сфере теневой экономики, в жизнеобеспечении местных домохозяйств. Подчеркивается, что ни один из промыслов не основывается на сугубо интеллектуальной трудовой деятельности. Таким образом, промысловая деятельность в большинстве случаев соответствует самым ранним технологическим укладам [20]. Примерами промыслов являются отходничество, домашнее виноделие на Юге, сбор дикоросов на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. ¹⁸ С.Г. Кордонский и Ю.М. Плюснин пишут в [21]: «Активное население некоторых малых городов в условиях экономического кризиса, неразвитости местных рынков труда, широкого распространения неформальной и теневой экономики сформировало особые способы (модели) экономического поведения, некогда характерные для ранних стадий капитализма в Европе и России – рассеянные мануфактуры. В отличие от распространенного сейчас распределенного производства <...>, широко использующего информационные технологии, рассеянные мануфактуры в российских малых городах могут представлять архаический институт, поскольку воспроизводят все атрибуты экономического института XIV–XVIII веков».

Заключение. В завершение обзора важнейших аспектов потенциала развития российского рынка труда в условиях необходимости форсированного, но при этом сбалансированного перехода с четвертого технологического уклада на шестой, практически минуя пятый, представим ряд выводов и рекомендаций.

1. Реформа образования с критическим заимствованием передовых зарубежных образовательных практик.
2. Культивирование в обществе терпимости (принятие того факта, что без толерантности масштабные технологические инновации невозможны).
3. Взвешенная миграционная политика, нацеленная на полноценную абсорбцию трудовых мигрантов и купирование мигрантофобии в принимающем обществе.
4. Расширение программ переквалификации кадров. Популяризация идей о необходимости учиться, повышать квалификацию на протяжении всей жизни.
5. Упорядочение и ограничение уберизации. Контроль масштабов прекаризации. Регулирование асимметрии между интересами работодателя и работника.
6. Упрощение порядка проведения забастовок (принятие того факта, что забастовка – это не бедствие для экономики, а способ регулирования трудовых споров и заблаговременного решения накапливающихся острых противоречий).
7. Широкое общественное обсуждение внедрения безусловного базового дохода как способа снижения остроты возрастающего социального неравенства.
8. Расширение государственной поддержки НИОКР и инновационного бизнеса с целью повышения места России в системе международного разделения труда.
9. Выравнивание межрегиональных диспропорций (главный инструмент – децентрализация, развитие местного самоуправления и налоговая реформа).
10. Совершенствование методологии сбора социально-экономической статистики. Приведение государственной статистики к стандарту открытых данных.

Список источников:

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат. сб. - М.: Росстат, 2020. - 145 с. ISBN 978-5-89476-490-0.

¹⁷ Янчук Н. Личный опыт: как заработать на сборе дикоросов // Тинькофф Журнал. – 30.03.2021. URL: <https://journal.tinkoff.ru/lichnyi-opyt-kak-zarabotat-na-sbore-dikorosov/>.

¹⁸ Новичкова Д. Как живут и сколько зарабатывают сборщики грибов и ягод в России? // Лента. – 16.04.2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/04/16/dikorosy/>.

2. Козина И.М. Забастовки в современной России // Социологические исследования. 2009. № 9 (305). С. 13–24. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13567767>
3. Тихонова Г.И., Чуранова А.Н., Горчакова Т.Ю. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3 (132). С. 103–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18201580>
4. Алпеева Е.А., Краснобаева В.С. Современный технологический уклад как платформа для внедрения наилучших доступных технологий // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 2. С. 88–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48547899>
5. Тоффлер Э. Третья волна. - М.: АСТ, 1999. -784 с. ISBN 5-237-00960-3.
6. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 160–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12225033>
7. Минасян Э.Р. Инструменты развития российской экономики в рамках перехода к шестому технологическому укладу // Экономика и бизнес: Теория и практика. 2020. № 2-2 (60). С. 46–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42542576>
8. Лосева О.С. Причины успеха Силиконовой долины // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2011. № 4 (4). С. 60–62. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21997172>
9. Корнилова Т.В. Ригидность, толерантность к неопределенности и креативность в системе интеллектуально-личностного потенциала человека // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 4. С. 36–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20925921>
10. Уринсон Я.М. Промышленная революция и экономический рост. - М.: Либеральная миссия, 2018. 40 с. ISBN 978-5-903135-64-6.
11. Уринсон Я.М. Возможности, которые открывает промышленная революция для выхода из глобального экономического кризиса // Бизнес. Общество. Власть. 2021. № 2 (40). С. 38–60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46213649>
12. Альмухаметова А.Р. Развитие человеческого капитала региона в условиях перехода экономики на новый технологический уклад // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 1 (23). С. 137–145. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35154215>
13. Тагаров Б.Ж. Феномен уберизации бизнеса и его границы // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 1. С. 93–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37028075>
14. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Уберизация и формирование сетевой структуры занятости // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 80–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32850198>
15. Лютов Н.Л., Войтковская И.В. Водители, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «уберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6 (115). С. 149–159. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43095774>
16. Гонтмахер Е.Ш. Базовый доход: Пролог к социальной политике XXI века? // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 2. С. 156–177. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37403881>
17. Лопухин В.Ю., Очкин Д.Н., Змеев В.Н. «Фрилансеры» – инновационная форма трудовой занятости // Теория и практика общественного развития. 2014. № 9. С. 105–108. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21705662>
18. Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 1. С. 111–123. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18921279>

19. Селеев С.С., Павлов А.Б. Гаражники: монография. - М.: Страна Оз. 2016. - 168 с. ISBN 978-5-906139-07-8.
20. Плюснин Ю.М. Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 1. С. 73-106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35005436>
21. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 4. С. 6-30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36066473>

References:

1. *Labor, employment and unemployment in Russia (based on the results of selective labor surveys). 2020 Statistical digest.* Moscow, Rosstat Publ., 2020. 145 p. (In Russian). ISBN 978-5-89476-490-0.
2. Kozina I.M. Strikes in contemporary Russia. *Sociological Studies*, 2009, no. 9 (305), pp. 13–24. (In Russian). URL: www.elibrary.ru/item.asp?id=13567767
3. Tikhonova G.I., Churanova A.N., Gorchakova T.Y. Occupational injuries as a problem of social and labor relations in Russia. *Studies on Russian Economic Development*, 2012, vol. 23, no. 3, pp. 282–292. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17989593>
4. Alpeeva E.A., Krasnobaeva V.S. Modern technological mode as a platform for the implementation of the best available technologies. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 88–103. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48547899>
5. Toffler A. *The Third Wave*. Moscow: AST Publ., 1999. 784 p. (In Russian). ISBN 5-237-00960-3
6. Nekhoda E.V. Transformation of labour and social-labour relations under condition to postindustrial society. *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 302, pp. 160–166. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12225033>
7. Minasyan E.R. Development instruments of the Russian economy within the transition to the sixth technological order. *Economy and Business: Theory and Practice*, 2020, no. 2-2 (60), pp. 46–49. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42542576>
8. Loseva O.S. Reasons of Silicon Valley success. *New university. Series: Economics and law*, 2011, no. 4 (4), pp. 60–62. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21997172>
9. Kornilova T.V. Rigidity, tolerance for uncertainty and creativity in the system of intellectual and personality potential. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2013, no. 4, pp. 36–47. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20925921>
10. Urinson Ya.M. *Industrial revolution and economic growth*. Moscow, liberal mission Publ., 2018. 40 p. (In Russian). ISBN 978-5-903135-64-6.
11. Urinson Ya. The opportunities offered by the industrial revolution to overcome the global economic crisis. *Business. Society. Power*, 2021, no. 2 (40), pp. 38–60. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46213649>
12. Almukhametova A.R. Development of regional human capital in conditions of transition to new technological structure. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 2018, no. 1 (23), pp. 137–145. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35154215>
13. Tagarov B.Zh. Business uberisation phenomenon and its limits. *Creative economy*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 93–104. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37028075>
14. Sizova I.L., Khusyainov T.M. Uberization and formation of network employment structure. *Izvestiya Tula State University*, 2018, no. 1, pp. 80–88. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32850198>
15. Lyutov N.L., Voytkovskaya I.V. Taxi drivers performing work through online platforms: What are the legal consequences of labor “uberization”? *Actual Problems of Russian*

Law, 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 149–159. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43095774>

16. Gontmakher E.Sh. Bazovyj dokhod: Prolog k sotsial'noj politike XXI veka? [Basic income as a prologue to social policy of the 21st century?]. *Economic Policy*, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 156–177. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37403881>

17. Lopukhin V.Yu., Ochkin D.N., Zmeev V.N. Freelance as an innovational form of employment. *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 9, pp. 105–108. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21705662>

18. Burlutskaya M., Kharchenko V. Freelancers: social status, career strategies and professional development. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, vol. 16, no. 1, pp. 111–123. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18921279>

19. Selev S.S., Pavlov A.B. *Garazhniki: monografiya [Craftsmen in garages: monograph]*. Moscow, Strana Oz Publ., 2016. 168 p. (In Russian). ISBN 978-5-906139-07-8.

20. Plusnin Yu. The crafts of a province: Archaic and modern economic practices of the provincial households. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2018, vol. 21, no. 1, pp. 73–106. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35005436>

21. Kordonsky S., Plusnin Yu. Archaic economic institutions: “Scattered manufactories” in Russian towns. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2018, vol. 27, no. 4, pp. 6–30. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36066473>

Submitted: 25 November 2022

Accepted: 25 December 2022

Published: 26 December 2022

